

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.5.1>

Демченко Александр Иванович

[Русская литература военных лет. К 75-летию Победы](#)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/5/1.html

Источник

[Филологические науки. Вопросы теории и практики](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 5. С. 5-15. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/5/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

In memoriam

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.5.1>

Демченко Александр Иванович, д. иск., проф., главный научный сотрудник и руководитель Центра комплексных художественных исследований
Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова
alexdem43@mail.ru

Русская литература военных лет. К 75-летию Победы

Прежде имеет смысл напомнить то основное, что было создано в нашей словесности времён Великой Отечественной (в нижеследующих перечнях называются только наиболее значимые имена и произведения).

В связи с остро актуальными потребностями активно развивалась очерковая литература – в формах единичного отклика («Наука ненависти» М. Шолохова, 1942) и в огромных сериях (четыре книги К. Симонова «От Чёрного до Баренцева моря», 1942-1945).

Точно так же в условиях повышенной оперативности особой востребованностью пользовались рассказы различного формата, и по мере их накопления у ряда писателей складывались целые циклы («Морская душа» Л. Соболева, 1942, «Ленинградские рассказы» Н. Тихонова, 1943, «Рассказы Ивана Сударёва» А. Толстого, 1944).

Вслед за рассказом, постепенно всё больший вес набирала повесть («Радуга» В. Василевской, «Народ бессмертен» В. Гроссмана, 1942, «Непокорённые» Б. Горбатова и «Взятие Великошумска» Л. Леонова, 1943, «Волоколамское шоссе» А. Бека и «Дни и ночи» К. Симонова, 1944).

Естественно, что менее результативными в количественном отношении были крупные жанры – роман («Они сражались за Родину» М. Шолохова, создавался с 1943, «Молодая гвардия» А. Фадеева, 1945) и драма («Нашествие» Л. Леонова и «Русские люди» К. Симонова, 1942).

Поэзия военных лет начиналась с песенных текстов: «Священная война» В. Лебедева-Кумача (1941) и вслед за ним – С. Алымов, Е. Долматовский, А. Жаров, М. Исаковский, А. Сурков, А. Фатьянов.

Отдельно взятые стихотворения писались в огромном числе на всём протяжении Великой Отечественной (М. Алигер, О. Берггольц, М. Дудин, Д. Кедрин, С. Наровчатова, К. Симонов, С. Щипачёв), но параллельно им не менее интенсивно развивался жанр поэмы: «Киров с нами» Н. Тихонова (1941), «Зоя» М. Алигер (1942), «Февральский дневник» и «Ленинградская поэма» О. Берггольц (1942), а затем её «Пулковский меридиан» (1943), «Россия» А. Прокофьева (1944), «Василий Тёркин» А. Твардовского (создавалась с 1941, закончена 9 мая 1945).

Понятно, что по свежим следам прошедшей войны литература о ней продолжала свою жизнь и во второй половине 1940-х: поэма А. Твардовского «Дом у дороги» (1946), роман И. Эренбурга «Буря» (1947), повести «В окопах Сталинграда» В. Некрасова, «Спутники» В. Пановой и «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого (все 1946), «Звезда» Э. Казакевича (1947) и многое другое.

Теперь остановимся подробнее на нескольких отдельно взятых из упомянутых имён, чтобы, хотя и «пунктиром», но в конкретике литературных текстов прочертить самую общую траекторию создававшейся тогда летописи огненных лет. И начнём с исходных этапов Великой Отечественной, какими они предстали в произведениях нескольких авторов: блокадный Ленинград, оборона Москвы, Сталинградская битва.

* * *

Для всего творчества *Михаила Дудина* сквозной темой стала фронтовая лирика, остриё которой было нацелено на испытания, будни и праздники города на Неве суровых военных лет. Множество стихотворений и поэм, так или иначе посвящённых данной теме, собрано в большой фолиант под названием **«Всё с этим городом навек...»** с подзаголовком *«Ленинградская книга»*. В предисловии к ней, симптоматично поименованном как *«Объяснение в любви»*, он обозначает *«свой Ленинград»* следующим образом: *«моя судьба, моя любовь»*.

Уроженец ивановской земли, Дудин связал жизнь с этим городом с конца 1939 года, когда впервые увидел его, направляясь со своим полком на финскую войну, а позднее, уже во время Великой Отечественной, защищая Ленинград, стоял с однополчанами насмерть на *«полуострове Гангут, где когда-то Пётр окончательно и навсегда разгромил шведов»*.

Центральным в поэтическом приношении великому городу и его создателю становится большое стихотворение **«Пётр»** (1943), где приметой актуальной реальности служат последние строки: *«Над медной статуей Петра // Уже скрестили в небе шпаги // Косых лучей прожектора»*. «Без оглядки» на творение Пушкина, Дудин предлагает своё видение знаменитого памятника, продиктованное временем героического противостояния фашизму.

*В лучах оранжевого света,
Над изумрудною травой
Не медным слепком Фальконета –
Ты встал воистину живой.*

*Коня разгневанная морда
Сквозь дым видна издалека.
И над Невой подъята твёрдо
Мужская грубая рука.*

*Пятипудовые копыта
Занесены над мостовой,
Густая грива ветром сбита.
По ветру волосы копной.*

*И, разрывая грудью путы,
Ты рвёшься, радостен и зол,
По ветру плац летит раздутый,
Расстёгнут вышитый камзол.*

Поэт собирает здесь то, что разбросано порознь в его многочисленных стихотворных описаниях Петербурга.

*Твои спокойные рассветы,
Зола полуночных костров,
Коричневые парпеты,
Полёт стремительных мостов.*

*В зелёном оперенье парки,
Решётки кованых оград,
Дугою выгнутые арки,
Тяжёлый мрамор колоннад!..*

В качестве ключевых предстают две фразы патриотического характера: «*Как необыденно и просто // Седое слово – Петербург*» и «*Товарищ! Мы с тобой потомки, // Сыны Великого Петра*». Вновь и вновь звучат тирады о «*русской отваге*» нынешнего солдата, «*благословенного Петром*». И все стихи Михаила Дудина военного лихолетья пронизывает твёрдая уверенность в том, что город Петра Великого не мог не выстоять в горниле страшной ленинградской блокады.

*Для трижды ненавистного врага,
С какой бы он сюда не рвался силой,
С времён Петра вот эти берега
Холодной раскрываются могилой.
(«Для трижды ненавистного врага», 1943)*

Поэт ведёт читателя буквально по всем знаменательным местам Петербурга-Ленинграда и его пригородов. В веренице образов непрерывно возникают всевозможные аллегории и параллели военной яви и прежних времён.

Так, в стихотворении «*Самсон*» (1944), рассказывая о разрушенном Петергофе, «*Где голые безрукие деревья // Стоят, как привиденья из поверья; // Где старый храм с глазницами пустыми, // Где пахнет мёртвым запахом пустыни...*», он рисует былое великолепие, в том числе «*До синих звёзд летящие фонтаны*». И как всегда, прочно связывает прошлое с настоящим, черпая в былом опору для предстоящего торжества над врагом (в данном случае подразумеваемая известнейшую скульптуру М. Козловского).

*Я вижу ясно, как на поле сечи
Идёт, крутые разгибая плечи,
Неистовый, разгневанный Самсон.*

В стихотворении «*Идёт весна весенним Ленинградом*» (1944), подробно поведав об увечьях, нанесённых городу войной («*Пролом в стене, обрушенный карниз, // Разрывом развороченные ниши...*»), поэт восклицает: «*Но ничего на целом свете нет, // На всей земле – прекрасней Ленинграда*». И это восклицание можно считать завершающим аккордом-кульминацией в приношении Михаила Дудина великому городу – в приношении, которое правомерно обозначить заголовком отдельного цикла стихотворений 1946 года «*Ода Ленинграду*».

* * *

Александр Бек в серии романов, основанных на тщательной проработке большого документального материала, освещал различные стороны жизни России первой половины XX века, в том числе стремился с достаточной объективностью показать истоки негативных сторон сталинской эпохи («*На другой день*», 1970). Его наиболее значительным творческим достижением стал роман «*Волоколамское шоссе*» (1944).

Основная сюжетная канва здесь такова: несколько недель битвы за Москву осенью 1941 года, когда вокруг Волоколамска было сосредоточено главное направление удара немецких войск, и именно здесь стояла насмерть ставшая легендарной дивизия Панфилова. Описываются действия одного из её батальонов, который неоднократно оказывался в самом горниле событий.

Эта кульминационность найденного жизненного материала, дополненная документальной достоверностью (всё основано на конкретных фактах), определила большую творческую удачу писателя. Оставалось отыскать наиболее подходящую форму, и он повёл повествование от лица главного героя, прошедшего со своим батальоном череду смертельных испытаний.

Естественным следствием кульминационности найденного материала становится предельная заострённость, которую приобретает главная идея романа Александра Бека: активное утверждение советского образа жизни в его безусловно положительных сторонах. Эта заострённость определялась самой исторической ситуацией, когда всё потребовало максимальной концентрации основополагающих качеств человека того времени: патриотизм, интернационализм, коллективизм и т.п.

Сразу же заметим, что слово *советский* произносится здесь многократно и с неизменной гордостью. И если какое-либо дело сделано людьми хорошо, то самым отрадным откликом на похвалу было для всех скандируемое организованной массой «*Служим Советскому Союзу!*».

Советский народ выступает здесь как безусловная общность. Это персонифицировано спаянным многонациональным составом того батальона, который возглавляет герой романа. Нет даже намёка на какую-либо этническую рознь и малейшую противоречивость в данном отношении. Важно и то, что сам комбат – казах, проявляющий себя с лучшей стороны и именно как «стоцентный» *советский* человек.

В романе «Волоколамское шоссе» отчётливо зафиксировано весьма своеобразное, но в данном случае вполне органичное сочетание безусловной гуманности и жёсткой требовательности к человеку – это было вообще характерным свойством этической платформы отечественного бытия середины XX века. Средоточие человечности становится генерал Иван Васильевич Панфилов – второй герой романа. Он отличался исключительно бережным отношением к каждому (от командира до рядового), его девизом было: не умирать, а жить, то есть воевать, чтобы жить.

Панфилов мог и строго спросить. Но этим качеством особенно наделён главный герой романа, командир батальона лейтенант Баурджан Момыш-Улы. Он оказывается здесь олицетворением важнейших установок тоталитарной системы: дисциплина (в данном случае военная), единым строем (военной колонной, шеренгой) и всеобщий труд как главное, определяющее в жизни (в данном случае воинский труд).

Что касается последнего момента, то, согласно установкам главного героя, всё в существовании человека должно быть нацелено на созидательное деяние: дело – прежде всего. Поэтому и в романе почти нет того, что именуют лирическими отступлениями. Практически всё устремлено к единственному: ратный труд и совершенствование в нём – то, что вылилось в главный лозунг военных лет «*всё для фронта, всё для победы*».

Другие названные формулы советского государственного механизма (дисциплина и единым строем) в обстоятельствах военного времени перерастают в требование беспрекословного подчинения младшего чина старшему. То есть единоличная, непререкаемая власть того, кто поставлен руководить людьми, могла проявлять себя на любом уровне управления.

Строжайшая дисциплина, организованность, иерархическое подчинение – всё это несёт на себе совершенно явный «тоталитарный» налёт, но главный герой романа категорически настаивает на выполнении названных требований и, надо признать, благодаря этому ему со своим батальоном удаётся достичь очень многого и преодолеть, казалось бы, непреодолимые затруднения.

Принцип единоначалия, доведённый до крайнего предела, он формулирует в экстремальной ситуации, когда его батальон оказывается во вражеском окружении. Происходит это в тот момент, когда военврач в звании капитана, которого комбат, всего-навсего старший лейтенант, отстраняет от должности за проявленную трусость, и тот пытается протестовать, получает жёсткую отповедь.

– Я имею на это право. Мы, четыреста пятьдесят советских воинов, оторванных от нашей армии. Наш батальон – это остров. Советский остров среди захваченных врагами мест. На этом острове высшая власть принадлежит мне. Здесь я главнокомандующий всеми Вооружёнными Силами Советского Союза. На этом куске земли, где впереди и сзади, справа и слева находится враг, я здесь – Советская власть! Вот кто я такой, командир батальона, отрезанного от своих войск. Я имею право не только разжаловать тебя, не только расстрелять за измену долгу, но и на куски разорвать.

Подобная позиция главного героя выковывается в тяжёлой внутренней борьбе привычных норм человечности и требований долга, определяемых обстоятельствами военного времени. Беспрекословного подчинения от вверенного ему батальона он добивается всеми возможными способами, включая и самые беспощадные. В этом отношении очень характерен эпизод, когда Момыш-Улы принимает решение расстрелять перед всем батальоном своего соотечественника-казаха Барамбаева, который бежал с поля боя.

Я скомандовал:

– По трусу, изменнику Родины, нарушителю присяги... отделение...

Винтовки вскинулись и замерли. Но одна дрожала. Мурын стоял с белыми губами, его прохватывала дрожь.

И мне вдруг стало нестерпимо жалко Барамбаева.

От дрожащей в руках Мурина винтовки словно несло ко мне: «Пощади его, прости!»

И люди, ещё не побывавшие в бою, ещё не жестокие к трусу, напряжённо ждавшие, что сейчас я произнесу: «Огонь!», тоже будто просили: «Не надо этого, прости!»

И ветер вдруг на минуту стих, самый воздух замер, словно для того, чтобы я услышал эту немую мольбу.

Я видел широченную спину Галлиулина, головой выдававшегося над шеренгой. Готовый исполнить команду, он, казах, стоял, целясь в казаха, который тут, далеко от родины, был всего несколько часов назад самым ему близким. От его, Галлиулина, спины доходило ко мне то же: «Не заставляй! Прости!»

Я вспомнил всё хорошее, что знал о Барамбаеве, вспомнил, как бережно и ловко, словно оружейный мастер, он собирал и разбирал пулемёт, как я втайне гордился: «Вот и мы, казахи, становимся народом механиков».

...Я не зверь, я человек. И я крикнул:

– Отставить!

Наведённые винтовки, казалось, не опустились, а упали, как чугуны. И тяжесть упала с сердец.

– Барамбаев! – крикнул я.

Он обернулся, глядя спрашивающими, ещё не верящими, но уже загоревшимися жизнью глазами.

– Надевай шинель!

– Я?

– Надевай... Иди в строй, в отделение!

Он растерянно улыбнулся, схватил обеими руками шинель и, надевая на ходу, не попадая в рукава, побежал к отделению.

Мурин, добрый очкастый Мурин, у которого дрожала винтовка, незаметно звал его кистью опущенной руки: «Становись рядом!», а потом по-товарищески подтолкнул в бок. Барамбаев снова был бойцом, товарищем.

Я подошёл и хлопнул его по плечу:

– Теперь будешь сражаться?

Он закивал и засмеялся. И все вокруг улыбались. Всем было легко...

Вам тоже, наверное, легко? И те, кто будет читать эту повесть, тоже, наверное, вздохнут с облегчением, когда дойдут до команды: «Отставить!»

А между тем было не так. Это я увидел лишь в мыслях; это мелькнуло, как мечта.

Было иное.

... Заметив, что у Мурина дрожит винтовка, я крикнул:

– Мурин, дрожишь?

Он вздрогнул, выпрямился и плотнее прижал приклад; рука стала твёрдой. Я повторил команду:

– По трусу, изменнику Родины, нарушителю присяги... отделение... огонь!

И трус был расстрелян.

Судите меня!

Когда-то моего отца, кочевника, укусил в пустыне ядовитый паук. Отец был один среди песков, рядом не было никого, кроме верблюда. Яд этого паука смертелен. Отец вытащил нож и вырезал кусок мяса из собственного тела – там, где укусил паук.

Так теперь поступил и я – ножом вырезал кусок из собственного тела.

Я человек. Всё человеческое кричало во мне: «Не надо, пожалей, прости!» Но я не простил.

Я командир, отец. Я убивал сына, но передо мной стояли сотни сыновей. Я обязан был кровью запечатлеть в душах: изменнику нет и не будет пощады!

Я хотел, чтобы каждый боец знал: если струсишь, изменишь – не будешь прощён, как бы ни хотелось простить.

Насколько важной была для писателя тема, заявленная в «Волоколамском шоссе», говорит тот факт, что продолжением этой, лучшей его книги стали повести «Несколько дней» и «Резерв генерала Панфилова», законченные в 1960 году.

* * *

Повесть Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда» (1946) – одно из лучших произведений советской литературы о Великой Отечественной войне. Всего в полугодовой отрезок времени автору удалось впрессовать, в сущности, весь путь тех лет: начиная с трагических тягот бесконечного отступления и заканчивая светлой радостью первых победных дней, завершавших эпопею Сталинградской битвы.

Пишется об этом просто, сдержанно, сугубо реалистично, «обыкновенно», без малейшего пафоса. И то, что повествование ведётся от лица офицера Юрия Керженцева, только подчёркивает правдивость описания фронтовых будней.

Вчитываясь в эту «прозу» войны, ничуть не менее остро осознаёшь, насколько тяжёлые испытания выпали на долю тех, кто прошёл через неё как на передовой, так и в тылу. Драматизм происходящего писатель нередко обнажает посредством включения экспрессивных психологических моментов. В том числе через мысли, которые неизбежно порождало то невероятно суровое время.

Есть детали, которые запоминаются на всю жизнь. И не только запоминаются. Маленькие, как будто незначительные, они въедаются, впитываются в тебя, начинают прорастать, вырастают во что-то большое, значительное, вбирают в себя всю сущность происходящего, становятся как бы символом.

Я помню одного убитого бойца. Он лежал на спине, раскинув руки, и к губе его прилип окурочек. Маленький, ещё дымившийся окурочек. И это было страшнее всего, что я видел до и после на войне. Страшнее

разрушенных городов, распоротых животов, оторванных рук и ног. Раскинутые руки и окурки на губе. Минуту назад была ещё жизнь, мысли, желания. Сейчас – смерть.

Тем же драматическим психологизмом наполнены страницы повести, передающие чувство жгучего стыда за то, что отступали, – чувство стыда перед теми, кого оставляли беззащитными перед наседающим врагом. (Фраза в тексте «*На воротнике у меня два кубика*» отмечает тот факт, что герой-рассказчик был в чине лейтенанта.)

Бабы спрашивают, где же немцы и куда мы идём. Мы молча пьём холодное, из погреба, молоко и машем рукой на восток.

Туда... за Дон...

Я не могу смотреть на эти лица, на эти вопросительные, недоумевающие глаза. Что я им отвечу? На воротнике у меня два кубика, на боку пистолет. Почему же я не там, почему я здесь и на все вопросы только рукой отмахиваюсь? Ведь я же командир...

Что я на это отвечу? Что война – это война, что вся она построена на неожиданности и хитрости, что у немцев сейчас больше самолётов и танков, чем у нас, что они торопятся до зимы закончить войну и поэтому лезут на рожон. А мы хотя и вынуждены отступить, но отступление – это ещё не поражение; отступили же мы в 41-м году и погнали же потом немцев от Москвы...

Да, да, да – всё это понятно, но сейчас, сейчас-то мы всё-таки идём на восток, не на запад, а на восток...

И я ничего не отвечаю, а машу только рукой на восток и говорю:

– До свидания, бабуся, ещё увидимся, ей-Богу, увидимся...

И я верю в это. Сейчас это единственное, что у нас есть – вера.

И опорой этой веры является то, что в страшной битве за правое дело при необходимости люди способны забыть о сохранении собственной жизни и бросить её на жертвенный алтарь грядущей Победы. Таким предстаёт один из них, когда приказано пусть и горсткой бойцов, но во что бы то ни стало ночью взять высоту.

Я бросаю гранату наугад вперёд, во что-то чернеющее. Бросаюсь рывком. Чувствую каждую мышцу в своём теле, каждый нерв. Мелькают в темноте, точно всполохнутые птицы, фигуры. Отдельные вскрики, глухие удары, выстрелы, матерщина сквозь зубы. Траншея. Осыпающаяся земля. Путаются под ногами пулёмётные ленты. Что-то мягкое, тёплое, липкое...

Ночной бой. Самый сложный вид боя. Бой одиночек. Боец здесь всё. Инициатива, смелость, инстинкт, чутьё, находчивость – вот что решает исход. Здесь нет массового, самозабвенного азарта дневной атаки. Нет чувства локтя. Нет «ура», облегающего, всё закрывающего, возбуждающего «ура». Нет кругозора. И пути назад нет.

Конца боя не видишь, его чувствуешь. Потом трудно что-либо вспомнить. Наутро находишь на себе ссадины, синяки, кровь. Но тогда ничего этого нет. Есть траншея... заворот... кто-то... удар... выстрел... гашетка под пальцем, приклад... шаг назад, опять удар. Потом тишина.

В этом мрачном, но красочном живописании писателя-баталиста обращает на себя внимание лаконизм и острота того, что можно назвать «телеграфным стилем». Скупость слова, за которой стоит концентрированная экспрессия выражения.

В таких случаях автор может намеренно пропускать то существительные, то глаголы, но тем гуще оказывается выразительность и по-особому ёмким предстаёт информационное наполнение происходящего. Примером может служить рассказ об эвакуации из Сталинграда гражданского населения.

На улицах люди с тюками, тележками. Бегут, спотыкаются. С тележек всё валится. Останавливаются, переключиваются, молча, без ругани, с расширенными, остановившимися глазами. Дым, едкий, скребущий горло, вылезает из домов, расползается по улицам. Хрустит стекло под ногами. Кирпичи, куски бетона, столы, перевернутый шкаф. Кого-то несут на одеяле. Старушка в клетчатом платке тащит табурет и гигантских размеров узел.

– Господи, Боже... Пресвятая Богородица...

Узел сползает. Платок свалился с головы и волочится по земле.

И ещё один фрагмент повести, показательный в смысле изложения.

На переправе, как и всегда, трудно что-либо понять. Лошади, повозки, пушки с передками, пятающиеся в темноте машины. И люди. Людей больше всего – ругающихся, сталкивающихся, отнимающих друг у друга что-то. Кто-то на кого-то наехал. Забыли какие-то ящики. Ищут какого-то Стеценко. Ждут катера. Ругают его. Уже давно должен быть и всё нет.

В ходе своего повествования писатель не раз возвращается к мысли, что человек привыкает ко всему, и даже в столь ужасающей, совершенно неподобающей для этого обстановке могут возникать мгновения довольства, почти счастья. Вот, скажем, настала минута затишья, и герой после миски супа может повалиться в землянке на тюфяке.

И я лежу, уставившись в потолок, и размышляю о высоких материях, о том, что всё в мире относительно, что сейчас для меня идеал – вот эта землянка и котелок с лапшой, лишь бы горячая только была, а до войны мне какие-то костюмы были нужны и галстуки в полоску, и в булочной я ругался, если давали

недостаточно поджаренный калач за два семьдесят. И неужели же после войны, после всех этих бомбёжек мы опять... и так далее, в том же духе.

Именно в таких эпизодах в изложение проникает лирически наполненная поэтическая нота. И, как правило, она рождается при воспоминаниях о недавнем прошлом: война заставила человека с особой силой ощутить драгоценность мирной жизни.

Допустим, когда герой повести ворошит порой в своей памяти страницы юности, прошедшей в Киеве, он тихо восклицает про себя ностальгическое *«Милый, милый Киев...»*.

Или когда он с сослуживцами попадает на переформировку в Сталинград и оказывается ненадолго в обстановке семейного быта, где их накормили домашним обедом, то для сравнения с фронтовым бытом достаточно единственной фразы: *«Мы сидим на веранде, за столом, покрытом скатертью, и едим сверхъестественно вкусный суп из фасоли»*.

Написанная в первый послевоенный год, повесть «В окопах Сталинграда» благодаря своей впечатляющей правдивости и неприкрашенности изображения оказала впоследствии заметное влияние на развитие военной романистики 1960-1970-х годов (Ю. Бондарев, Г. Бакланов, В. Быков и др.).

* * *

Среди литераторов, создавших всеохватывающую панораму военного времени, – *Константин Симонов*. Непосредственным подступом к главной теме его творчества стала пьеса *«Парень из нашего города»* (1941). Время её действия – 1930-е годы, и дважды упоминается, что главный герой сражался в горячих точках – в 1937-м в Испании, в 1939-м на Халхин-Голе. Сергей Луконин – танкист, воевал героически, не раз был на волосок от смерти. И если несколько переименовать название известной повести Бориса Полевого, то это, первое из произведений Константина Симонова, получившее широкую известность, можно было бы назвать *«Пьесой о настоящем человеке»*. Образ Сергея стал настоящим художественным открытием, сконцентрировав в себе лучшие черты молодого человека 1930-х годов – сильного духом, мужественного, самоотверженного, наделённого столь ценным тогда чувством патриотизма и интернационализма.

Вместе с этой пьесой в творчество Симонова вошла важнейшая для него тема крепкой дружбы, помогающей людям жить в самых трудных обстоятельствах. В том же ряду и взаимоотношения с любимой девушкой. Конечно, ей хотелось, чтобы они всегда были вместе, но, понимая, что Сергей беззаветно предан избранному делу, она терпеливо ждёт его, какой бы долгой ни была разлука. Вот характерный разговор двух любящих людей накануне его отъезда.

Сергей. Я, наверно, сейчас уеду не очень надолго...

Варя. Не надо, Серёжа. Ты же сам знаешь на сколько. Не смей меня утешать – рассержусь.

Сергей. Ладно.

Варя. Я тебя люблю за то, что ты такой, я бы другого не любила. Да, ждать, ждать, пускай ждать, но зато, когда мы вместе... Да, я люблю эту жизнь, она и есть самая настоящая. А другой никакой не хочу...

Пьеса написана очень живо, с юмором, жизненно убедительно, с точной фиксацией примет времени и среды. При этом внимание сосредоточено на внутренней логике поведения персонажей, так что можно говорить о чертах психологической драмы. И то что касается названия пьесы – оно объясняется в её конце, в ходе размышлений, которыми один из персонажей делится накануне того момента, когда Сергею Луконину предстоит получить звание Героя Советского Союза.

– Всё-таки здорово это придумано, что будут ставить бюст героя там, где он родился. В том городишке, где ты играл в «казаки-разбойники», стоит твой бюст, и все мальчишки хотят быть похожими на тебя. Проходят мимо и говорят: «Это же парень из нашего города!» А про себя думают: «А чем мы хуже?»

В 1942 году по пьесе был поставлен одноимённый фильм, и стало понятно, как нужна была она в последние предвоенные годы, подготавливая соотечественников к грядущим испытаниям. Для самого автора она явилась вехой в формировании ведущей для него темы человеческой стойкости и негибаемого мужества.

* * *

Главной и едва ли не единственной темой последующего творчества Константина Симонова, его стихов и прозы, театральных пьес и киносценариев, стала военная тема. Раньше всего, в самые первые месяцы войны она заявила о себе в поэтической лирике. Стихотворений такого рода было много написано и потом (собраны в книгах «С тобой и без тебя», 1942, «Друзья и враги», 1948), но сильнейший всплеск вдохновения приходится именно на вторую половину 1941 года.

В военной лирике Симонова поражаало соединение, казалось бы, столь далёких качеств, как патриотическая героика и личное чувство, переданное очень доверительно и даже исповедально. Обратимся к трём разноплановым её образцам, появившимся в первые месяцы войны.

Стихотворение *«Жди меня...»*, наряду с *«Землянкой»* А. Суркова и песней Н. Богословского *«Тёмная ночь»*, стало своего рода «лирическим знаменем» години тяжких испытаний. Стало ясно, что проникновенное слово, полное нежности и любви, необходимо людям в пору неслыханного нашествия не меньше, чем патриотические призывы о защите Отечества.

Это проникновенное слово получило здесь очень своеобразное выражение. Высказываемое от лица человека середины XX века, оно восходит к экспрессии таких древних сакрально-поэтических форм, как заклинание, заговор и даже заклятие.

Слово *жди* повторяется одиннадцать раз с добавлением однокорневых *ждать*, *ждёт* и т.п. – их семь. И троекратно, в начале каждой строфы, произносится ключевая фраза-зачин: *Жди меня, и я вернусь*. Смысловая значимость неумолкающего *жди* и та сила внушения, которую оно несёт, подводят к результирующему итогу последних строк («*Как я выжил, будем знать // Только мы с тобой – // Просто ты умела ждать, // Как никто другой*»).

*Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди.
Жди, когда наводят грусть
Жёлтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придёт,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждёт.*

*Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.*

*Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: – Повезло. –
Не понять, неждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой –
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.*

В сознании героя стихов Симонова с образом женщины связано не просто очень многое, а главное в оставшейся за спиной фронтовиков мирной жизни. Сильный резюмирующий акцент на этот счёт проставлен в конце стихотворения «*Хозяйка дома*» (1942).

*Сияньем женским, девочкой, женой,
Невестой – всем, что уступить не в силах,
Мы умираем, заслонив собой
Вас, женщин, вас, беспомощных и милых.*

* * *

Но вернёмся в 1941-й. Черты заклинательности перешли и в другое знаменитое стихотворение Константина Симонова – «*Ты помнишь, Алёша...*» Она есть и в заглавной строке *Ты помнишь, Алёша*, повторяемой затем ровно в середине текста, к чему добавляются сходные фразы: *Ты знаешь, Ты помнишь* и т.д. Это придаёт высказыванию тон по-особому доверительного разговора.

Стихотворение посвящено Алексею Суркову, такому же поэту-фронтовику, но воспринимается скорее как обращение к очень близкому по духу фронтовому другу. И заклинательность здесь особая: говорится тихо, с нежностью, но взывая. На адресата этих взываний как раз и нацелен основной пафос заклинательности: слово *русский* звучит многократно в различных оттенках, дополняемых торжественными речениями *на великой Руси и вся Россия*.

В час больших испытаний резко обострилось чувство России – именно России в прямом значении данного понятия как Русской земли. И это чувство пронизывает здесь всё, от первой до последней строки. Вдобавок к тому оно локализуется на коренном русском, сходящемся на образе Смоленщины, и усугубляется чувством вины за горечь отступления, когда приходилось отдавать врагу родную землю пядь за пядью вместе с беззащитными детьми, женщинами и стариками, которым оставалось говорить единственное: «*Мы вас подождём*». Так что конечной сутью закланательность этого стихотворения сводилась к тому, как защитить и сберечь самое драгоценное для всех – Родину.

В связях с этим высоким понятием у поэта вновь превалирует образ женщины: начиная с первых строк («...кринки несли нам усталые женщины... слёзы они вытирали украдкой... снова себя называли солдатками...») и кончая последними («...в бой провожая нас, русская женщина // По-русски три раза меня обняла»). Так что неизбежно встают извечные для национального сознания категории *Родина-мать*, *Русь-жена*, а вслед за ними идут сёстры и дочери.

Но появилась здесь и новая краска: на смену былым чаяниям «мировой революции» и «Коммунистического Интернационала» к русскому человеку вернулось исконно православное. Поэтому «...вслед нам шептали: “Господь вас спаси!”» и «*Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся // За в Бога не верящих внуков своих*». И сама лексика стихотворения многим обращена к исконным приметам национального уклада: «*Как встарь повелось... вёрстами... тракт... деревни с погостами... за каждою русской околицей... просёлки... покуда... пажити*».

*Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди,
Как слёзы они вытирали украдкой,
Как вслед нам шептали: «Господь вас спаси!»
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси.*

*Слезами измеренный чаще, чем вёрстами,
Шёл тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась,*

*Как будто за каждою русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в Бога не верящих внуков своих.*

*Ты знаешь, наверное, всё-таки Родина –
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти просёлки, что дёдами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.*

*Не знаю, как ты, а меня с деревенскою
Дорожной тоской от села до села,
Со вдовьей слезою и с песнею женскою
Впервые война на просёлках свела.*

*Ты помнишь, Алёша: изба под Борисовом,
По мёртвому плачущий девичий крик,
Седая старуха в салопчике плисовом,
Весь в белом, как на смерть одетый, старик.*

*Ну что им сказать, чем утешить могли мы их?
Но, горе поняв своим бабьим чутьём,
Ты помнишь, старуха сказала: «Родимые,
Покуда идите, мы вас подождём».*

*«Мы вас подождём!» – говорили нам пажити.
«Мы вас подождём!» – говорили леса.
Ты знаешь, Алёша, ночами мне кажется,
Что следом за мной их идут голоса.*

*По русским обычаям, только пожарища
На русской земле раскидав позади,
На наших глазах умирают товарищи,
По-русски рубаху рванув на груди.*

*Нас пули с тобою пока ещё милуют.
Но, трижды поверив, что жизнь уже вся,
Я всё-таки горд был за самую милую,
За горькую землю, где я родился,

За то, что на ней умереть мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что, в бой провожая нас, русская женщина
По-русски три раза меня обняла.*

В подобных произведениях Константин Симонов покоряет точностью, реальностью, достоверностью изъяснения и способностью донести мысль и чувство от сердца к сердцу, так что напряжённая эмоциональность высказывания соединяется с почти документальной очерковостью. Этому по-своему служит и строй повествовательного стиха – в сущности, проза, но ритмованная и с рифмой.

И ещё один образец его военной лирики 1941 года – *«Родина»*. К общему понятию, поставленному в заголовок, здесь присоединяется не менее значимое, именуемое малой родиной. И поэт ведёт разговор об этих ключевых для жизни категориях опять-таки с удивительной проникновенностью.

*Касаясь трёх великих океанов,
Она лежит, раскинув города,
Покрыта сеткою меридианов,
Непобедима, широка, горда.

Но в час, когда последняя граната
Уже занесена в твоей руке
И в краткий миг припомнить разом надо
Всё, что у нас осталось вдалеке,

Ты вспоминаешь не страну большую,
Какую ты извездил и узнал,
Ты вспоминаешь родину – такую,
Какой её ты в детстве увидал.

Клочок земли, припавший к трём берёзам,
Далёкую дорогу за леском,
Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким ивняком.

Вот где нам посчастливилось родиться,
Где на всю жизнь, до смерти, мы нашли
Ту горсть земли, которая годится,
Чтоб видеть в ней приметы всей земли.

Да, можно выжить в зной, в грозу, в морозы,
Да, можно голодать и холодать,
Идти на смерть... Но эти три берёзы
При жизни никому нельзя отдать.*

* * *

Константин Симонов одним из первых обратился к теме русского человека на войне в драматургии (пьеса «Русские люди», 1942) и прозе (повесть «Дни и ночи», 1944). В пьесе, которая обошла почти все театры страны, трудности войны показаны как непрерывное испытание всех человеческих сил. Повесть рассказывает о сталинградских днях как о трагическом времени огромных, невосполнимых жертв.

В книгах о войне, написанных в последующие годы, неизменными оставались гражданственно-патриотический настрой и публицистический нерв, простота и человечность повествования, которое чуждается внешнего пафоса. Герои Симонова – обычные люди, но это люди высоких моральных качеств, наделённые мужеством и стойкостью, верностью в любви и дружбе, пронесённой сквозь суровые испытания. Создавая насыщенную и динамичную событийную канву народной драмы, писатель стремился постичь логику поведения человека, мотивы его поступков в поворотные моменты жизни.

Итогом и кульминацией военной прозы Симонова стала трилогия романов *«Живые и мёртвые»*, которую сам он считал своей главной книгой. Первая из трёх книг (1954-1959) так и называется, рассказывая о начальном полугодии войны (июнь – декабрь). Вторая книга («Солдатами не рождаются», 1963-1964) – эпопея Сталинграда и лето 1943 года. Третья («Последнее лето», 1970-1971) – действительно, события лета 1944-го.

В них воссоздаётся чрезвычайно широкая панорама трудного и долгого пути от тяжёлых поражений к близкой победе. Это достоверная летопись основных вех военной страды, увиденной глазами её свидетеля и участника. В воспроизводимой здесь исторической хронике достигнута такая масштабность изображения Великой Отечественной войны, которой нет ни в каком другом произведении нашей литературы.

Обратимся к первой части грандиозного военного цикла, сосредоточенной в основном на военных действиях первого лета войны с его трагическими неудачами, отступлениями и окружениями. Лишения, жестокие

испытания, кровь и смерть – всё здесь подаётся на пределе мыслимого, но очень реально. Главным героем является военный корреспондент Синцов, фигура которого скрепляет множественную мозаику различных эпизодов этого реалистического повествования. Он всеми силами стремится воевать не пером журналиста, а винтовкой и пулемётом, и это ему удаётся.

Перед нами тот самый «настоящий человек», которому присущи мужество и отвага, но в известной мере и слабости, в том числе страх, потому что это живой, реальный человек. Очень важны в его характере гуманность и обострённое стремление сделать всё для победы над врагом. И рядом с ним много таких же людей – самоотверженность, желание послужить общему делу в крови у них.

Убедительно описываются первые дни войны с их хаосом, паникой, полной неразберихой и чувством кошмара от того, что немцы уверенно и стремительно продвигались вперёд, сея смерть и разрушения.

Никогда потом Синцов не испытывал такого изнурительного страха: что же будет дальше?! Если всё так началось, то что же произойдёт со всем, что он любит, среди чего рос. Ради чего жил со страной, с народом, с армией, которую он привык считать непобедимой, с коммунизмом, который поклялись истребить эти фашисты?

Он не был трусом, но, как и миллионы других людей, не был готов к тому, что произошло. Большая часть его жизни, как и жизни этих других людей, прошла в лишениях, испытаниях, борьбе, поэтому, как выяснилось потом, страшная тяжесть первых дней войны не смогла раздавить их души. Но в первые дни эта тяжесть многим из них показалась нестерпимой, хотя они же сами потом и вытерпели её.

В романе тщательно исследуется психология людей, впервые столкнувшихся с такой войной и с таким врагом – сильным, беспощадным и снабжённым первоклассной техникой. На первых порах среди советских солдат и офицеров преобладали те, кто вынужден был признать превосходство противника.

Среди них было много людей, которые знали только одно – что немец несёт смерть, но не знали второго – что немец сам смертен. Наибольшего доверия заслуживали те люди, которые убедились на собственном опыте, что немцы смертны и, когда их убивают, они останавливаются.

Конечно же, Симонов писал о людях советской формации. Его герои при возможных сомнениях и колебаниях глубоко верят в Советскую власть, дорожат партбилетом – и это тоже придаёт повествованию безусловную объективность. Верить: именно так всё и было, именно такими были советские люди середины XX века, в целом достойные уважения.

Характерно отношение персонажей романа к Сталину: в подавляющей своей части они верят ему, считают главной опорой страны, и только те, которые попали под Молох репрессий, иногда задаются вопросом: неужели ничего не знал? неужели без его ведома творились беззакония. И относительно войны: если страна оказалась неподготовленной к ней – кто же в этом повинен? и что же главная голова? почему не захотел прислушаться к сигналам о готовящемся нападении?

Выразительно подаётся восприятие первого выступления Сталина по радио в начале войны.

Сталин говорил глухо и медленно, с сильным грузинским акцентом. Один раз, посередине речи, было слышно, как он, звякнув стаканом, пьёт воду. Голос у Сталина был низкий, негромкий и мог показаться совершенно спокойным, если б не тяжёлое усталое дыхание и не эта вода, которую он стал пить во время речи.

Но, хотя он волновался, интонации его речи оставались размеренными, глуховатый голос звучал без понижений, повышений и восклицательных знаков. И в несоответствии этого ровного голоса трагизму положения, о котором он говорил, была сила. Она не удивляла: от Сталина и ждали её.

Его любили по-разному: беззаветно и с оговорками, и любясь и побаиваясь; иногда не любили. Но в его мужестве и железной воле не сомневался никто. А как раз эти два качества и казались сейчас необходимей всего в человеке, стоявшем во главе воевавшей страны.

В конце жизни Константин Симонов написал книгу «Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине» (опубликована только в 1988 году, хотя сам писатель умер в 1979-м). В этом исповедальном произведении шестикратный лауреат Сталинской премии стремился объективно проанализировать то, что именовали культом «вождя народов», и дать мотивацию своего активного участия в идеологической борьбе 1940-1950-х годов. Евгений Евтушенко на сей счёт отмечал следующее.

Сталинисты-догматики говорят о нём как о человеке, который, прославив Сталина при жизни, предал его после смерти. Антисталинисты-максималисты недовольны его половинчатостью в оценках Сталина и его эпохи. Я видел Симонова на траурном митинге в марте 1953 года, когда он с трудом сдерживал рыдания. Но, к его чести, я хотел бы сказать, что его переоценка Сталина была мучительной, но не конъюнктурной, а искренней... Кто-то назвал Симонова «советским Киплингом». Но как примитивно приписывать Киплинга к английскому империализму, так примитивно приписывать Симонова к сталинизму – они отражали в своих произведениях и империализм, и сталинизм как историческую данность.

Есть под Могилёвом большое поле под названием Буйническое, где Константин Симонов в июле 1941 года видел, как «наши сожгли тридцать девять немецких танков и бронетранспортёров». Это для него было далёкой зарницей Победы, ради которой воевал он и все остальные. И это было для него столь важно, что, согласно завещанию, его прах развеяли именно над этим полем.

* * *

Завершая краткий обзор литературы военных лет, обратимся к наследию поэта *Сергея Наровчатова*. Начинал он со стихов о войне, которую прошёл солдатом от первых до последних дней.

В те годы (1941)

*Я проходил, скрипя зубами, мимо
Сожжѐнных сѐл, казнѐнных городов,
По горестной, по русской, по родимой,
Завещанной от дедов и отцов.*

*Запоминал над деревнями пламя,
И ветер, разносивший жаркий прах,
И девушек, библейскими гвоздями
Распятых на райкомовских дверях.*

*И вороньѐ кружилось без боязни,
И коршун рвал добычу на глазах,
И метил все бесчинства и все казни
Паучий извивающийся знак.*

*В своей печали древним песням равный,
Я сѐла, словно летопись, листал
И в каждой бабе видел Ярославу,
Во всех ручьях Непрядву узнавал.*

*Крови своей, своим святыням верный,
Слова старинные я повторял, скорбя:
Россия, мати! Свете мой безмерный,
Которой мстью мстит мне за тебя?*

Военной теме посвящены не только его поэтические сборники послевоенных лет («Костѐр», 1948, «Солдаты свободы», 1952), но и многое в более поздних книгах, где она осознаѐтся ключевой для поколения середины XX века.

О главном (1970)

*Не будет ничего тошнее –
Живи ещё хоть сотню лет, –
Чем эта мокрая траншея,
Чем этот серенький рассвет.*

*Стою в намокшей плащ-палатке,
Надвинув каску на глаза,
Ругая власть и без оглядки
Всѐ то, что можно и нельзя.*

*Сегодня лопнуло терпенье,
Осточертел проклятый дождь –
Пока поднимут в наступленье,
До ручки, кажется, дойдѐшь.*

*Ведь как-никак мы в сорок пятом,
Победа – вот она! Видна!
Выходит срок служить солдатам,
А лишь окончится война,*

*Тогда – то, главное, случится!..
И мне, мальчишке, невдомѐк,
Что ничего не приключится,
Чего б я лучше делать смог.*

*Что ни главнее, ни важнее
Я не увижу в сотню лет,
Чем эта мокрая траншея,
Чем этот серенький рассвет.*

Именно так и оказалось для тех, кто прошѐл ту войну – она навсегда осталась для них главным событием жизни. И это понятно: на полях испытаний, бедствий, сражений решались судьбы Отечества, и людям тех поколений удалось совершить невероятное для своей страны и всего мира.